

№ 65.

СЕНТЯБРЬ.

1915 г.

1-я экз.

XII, 49581, 102

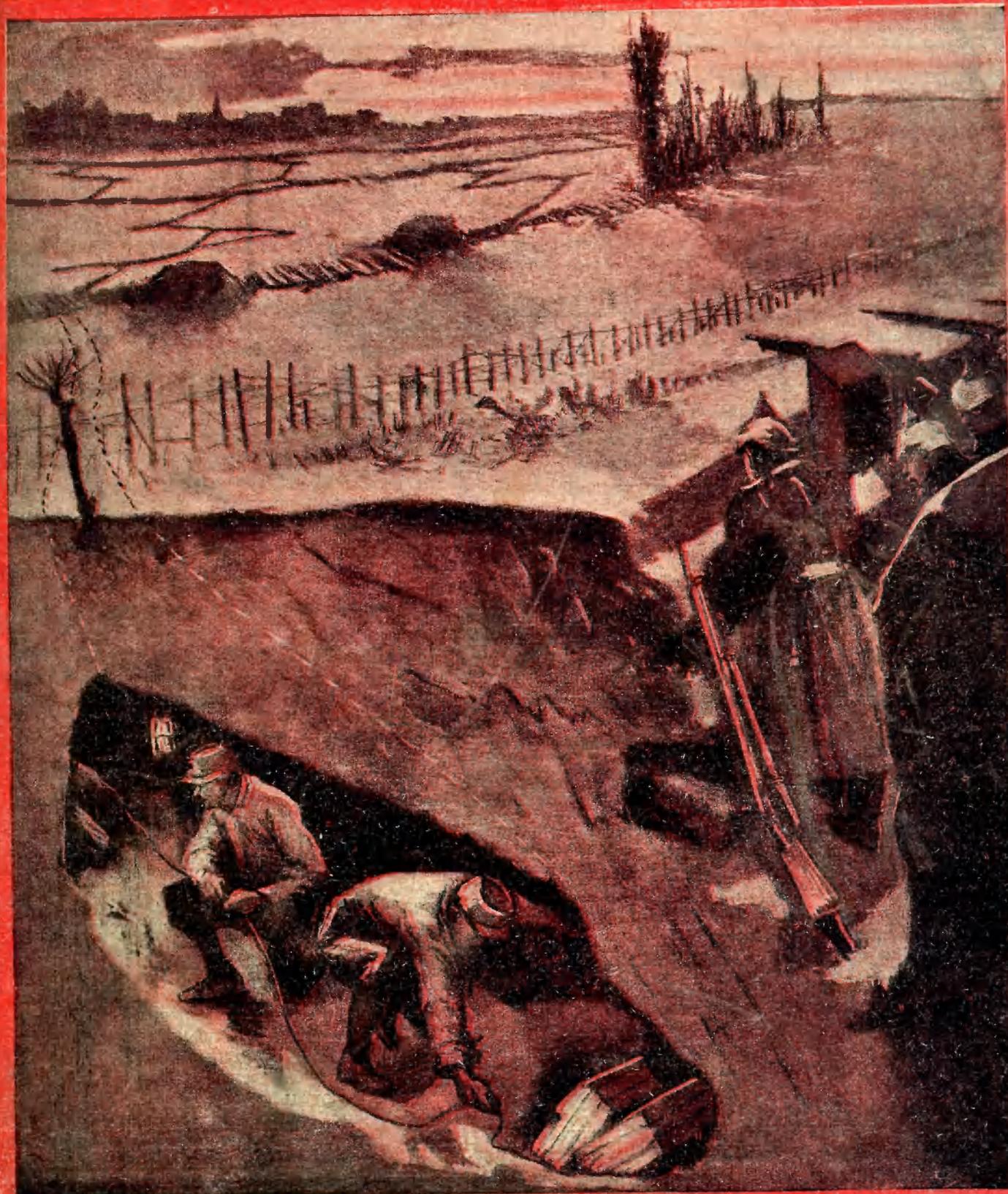
ЦЕНА 10 к.

ПЕТРОГРАДЪ.

НОЯБРЬ

ВОЙНА

(прежде, теперь и потомъ).

Французскій подкопъ подъ германскую траншею.

Условия подписки

съ доставкой и
пересылкой по
всей Россіи:

на годъ . 4 р. — к.
" 1/2 года 2 . — .
" 1 мѣс. — 30 .

Перем. адреса 25 к.

Непринятые рукописи
не возвращаются.

ВОЙНА

(прежде, теперь и потомъ).

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ЖУРНАЛЪ.

Такса объявленій:

За строку нонпа-
рели. въ 1 стол-
бецъ:

(1/4 шир. стран.)

впер. текста . 90 к.

позади . . . 60 .

Постоянные заказы по
соглашенію.

№ 65—1915 г.

Главная контора журнала: Петроградъ, 7-я Рождественская, 30.

Ноябрь

РАКЕТА.

Ночь задрожала чуткая... больная...
Когда она въ бесѣдѣ съ Божествомъ
Взметнулась къ небу, чешуей блистая,
Околдовавъ все дѣтскимъ колдовствомъ,
Слѣдила ночь, какъ дѣвственно и строго
Она чертила путь свой къ небесамъ,
Отрекшаяся отъ всего земного,
Безстрастная и къ боли, и къ скорбямъ.
Но вдругъ на высотѣ слѣплого восхожденья
Она взглянула внизъ послѣдній, можетъ, разъ —
И тотчасъ солнцемъ въ ней сверкнуло сожалѣнье
И слезы звѣздами скатилися изъ глазъ.
И отцвѣла она, — а на землѣ, средь ила,
Заяскали штыки и вырвалось «ура!»
Изъ массы, что она объединила
Для подвига, побѣды и добра...

Сергій Михѣевъ.

БОГАТЫРЬ.

Разсказъ Я. Окунева.

До войны Бородулинъ пастъ отары овецъ купца Мухамедова. Всѣ звали его Давыдкой, и онъ не зналъ совсѣмъ, что есть у него еще имя—Бородулинъ. Узналъ онъ объ этомъ только тогда, когда сотокій Ахметка съ бляхой на груди и большой палкой въ рукахъ пришелъ въ экономію и сказалъ, что Джавидъ-оглы-Бородулинъ долженъ итти въ солдаты, и что этотъ Джавидъ-оглы—онъ, Давыдка.

Такое мудреное и звонкое имя очень польстило Давыдкѣ. Онъ щелкнулъ языкомъ, посмотрѣлъ на свои боссы корявые ноги и, рѣшивъ, что Джавидъ-оглы Бородулину зазорно ходить босикомъ, какъ жакому-то Давыдкѣ, обулъ новые сапоги со скрипомъ, которые носилъ разъ въ годъ — въ праздникъ Байрамъ.

Староста выдалъ Давыдкѣ красивую бумажку. На ней была печать съ диковиннымъ орломъ о двухъ головахъ. Приказалъ староста Давыдкѣ итти въ городъ.

Давыдка отстругалъ себѣ новую вишневою палку,

закинулъ котомку за плечи и вышелъ на большакъ, который ведетъ въ городъ. Онъ шелъ, смотрѣлъ на небо, на кукурузныя поля, на придорожныя виноградники, на птичекъ, легкомысленно перелетавшихъ съ куста на кустъ и выпархивавшихъ изъ-подъ самыхъ ногъ, шелъ и пѣлъ. Онъ пѣлъ о томъ, что Джавидъ-оглы-Бородулинъ—большой человекъ, больше старосты, больше даже купца Мухамедова, потому что его знаетъ царь. Потомъ онъ запѣлъ о небѣ, о птицахъ, обо всемъ, что встрѣчалось ему въ пути въ это веселое утро, и старался шагать по-солдатски.

— Разъ-два!

Сначала Давыдка считалъ свои шаги, но такъ какъ дальше ста онъ считать не умѣлъ, то скоро сбился съ счета и снова вернулся къ гордымъ мыслямъ о большомъ человекѣ Джавидъ-оглы.

Это было очень трудно—попасть въ солдаты. Давыдку взвѣшивали, измѣряли, важные господа осматривали его, совѣщались о немъ и качали головами.

Давыдка сложилъ руки такъ, какъ во время намаза, и попросилъ господъ непремѣнно взять его въ солдаты. Господа разсмѣялись, и одинъ изъ нихъ, самый старшій и самый строгій, сказалъ Давыдкѣ, что онъ будетъ солдатомъ.

Черезъ нѣсколько недѣль Давыдка былъ рядовымъ пятой роты N—скаго пѣхотнаго полка. На немъ былъ сѣро-желтый мундиръ, фуражка съ бѣлымъ околышемъ и сапоги. Его учили разнымъ премудростямъ, и онъ, потѣя отъ усердія, старался все это постигнуть. Одною Давыдка не могъ никакъ усвоить—словесности.

— Бородулинъ! Что есть знамя?

Давыдка хмурилъ лобъ, стараясь вспомнить, и сразу выпаливалъ:

— Харуга!

Когда объявили войну, товарищи, любившіе подшутить надъ Давыдкой, сказали ему, что теперь ему будетъ секимъ-башка. Давыдка осклабился, показавъ свои бѣлые, ровные зубы, и сказалъ:

— Юкъ (нѣтъ)! Моя сдѣлаетъ нѣмцу секимъ-башка.

Степные пастухи пѣли старинную быль о батырѣ Хачатурѣ, который совершилъ много удивительныхъ подвиговъ и побѣдилъ самого шайтана. Теперь Джавидъ-оглы могъ сдѣлаться батыремъ Хачатуромъ, стоило ему этого только захотѣть.

Поджавъ подъ себя ноги, закрывъ глаза и раскачиваясь изъ стороны въ сторону, Давыдка славилъ на своемъ непонятномъ языкѣ подвиги батыря Джавидъ-оглы-Бородулина.

— Гей! На синее небо выгналъ мѣсяцъ своихъ зорь

лотыхъ овецъ. Кто ѣдетъ ночью по степи, кто посвистомъ коня погоняетъ? Джавидъ-оглы-батырь!

— Гей! шумить ковыль-трава на курганахъ и камышь въ плавняхъ. О чемъ они шумятъ? О батырь Джавидъ-оглы...

Н—скій пѣхотный полкъ посадили въ вагоны и отправили къ границѣ. Всю дорогу Давыдка молчалъ, а когда прѣехали въ пограничный городокъ, то первый выскочилъ изъ вагона съ винтовкой на-перевѣсь и спросилъ:

— Кого рѣзать?

Здѣсь некого было рѣзать, потому что въ городкѣ не осталось ни одной живой души, дома были заколочены, и по улицамъ бродили однѣ голодныя собаки. Надо было итти пѣшкомъ много верстъ, больше ста, больше того, что умѣлъ сосчитать Давыдка.

Батырь Хачатуръ свершалъ свои подвиги въ степи на лихомъ жеребцѣ. Ему не приходилось итти по поясъ въ ледяной водѣ, по колѣно въ болотѣ, подъ мелкимъ-мелкимъ дождикомъ, который льетъ съ хмураго неба день и ночь, день и ночь. Онъ не подтягивалъ отъ голода брюхо кушакомъ и не ляскалъ зубами по ночамъ отъ того, что приходилось спать въ глинистой кашѣ подъ промокшей шинелью, подъ промозглымъ небомъ.

Горѣли селенія и деревни, небо было залито кровью пожаровъ, далеко перекачивался громъ пушечныхъ выстрѣловъ, и туда, гдѣ громыхала пальба, гдѣ стояло багровое зарево, неслись стаи воронъ, летѣли сплошной черной сѣтью и каркали.

Нѣтъ! Батырь Хачатуръ ничего такого не видѣлъ, и нѣтъ такой пѣсни на свѣтѣ, въ которой пѣлось бы о болотахъ, о дождѣ, о голодномъ брюхѣ, о пожарахъ, о пушечномъ громѣ и зловѣщемъ полетѣ воронья.

Полуротный Зиновьевъ всегда заботился о томъ, чтобы солдаты были сыты, чтобы ротныя кухни поспѣвали въ походъ за полкомъ, и чтобы котлы были полны мяса. Онъ былъ очень молодъ, восторженъ, называлъ солдатъ братцами, земляками или солдатиками, спалъ на голой землѣ и ѣлъ изъ ротнаго котла.

Когда вырыли глубокія траншеи и засѣли за окопы, некогда было ѣсть, потому что непріятель безъ перерыва и устали трещалъ пулеметами и осыпалъ сплошнымъ ружейнымъ огнемъ. Сначала ѣли сухари, потомъ они вышли, и полуротный роздалъ свой запасъ бисквитовъ, которые ему съ недѣлю назадъ прислали изъ дому въ голубенькой коробочкѣ.

Давыдка попробовалъ сладкій, сдобный бисквитъ, щелкнулъ языкомъ, и зажмурился отъ наслажденія глаза. Это было такъ вкусно, такъ вкусно, что Давыдка не рѣшался съѣсть его и спряталъ бисквитъ въ свою походную сумку. Должно быть, полуротный очень сильный и очень богатый человѣкъ, если ѣсть такіе сухари, и, должно быть, у него большая душа, если онъ раздаетъ ихъ.

У Аллаха есть на небѣ ангелы, и полуротный похожъ на одного изъ нихъ. У него нѣжная розовая кожа на лицѣ, голубые глаза и золотые волосы, и любить онъ, должно быть, цвѣты, потому что онъ скорѣе похожъ

на кизляръ (барышня), чѣмъ на мужчину, чѣмъ на батыря, какими должны быть всѣ воины.

Между нашими окопами и непріятельскими—болото. Тамъ растутъ желтыя лиліи, и пули, жужжа и свистя, сбиваютъ ихъ пламенные головки.

Давыдка щелкаетъ затворомъ ружья и думаетъ о полуротномъ и объ этихъ огненныхъ цвѣтахъ. И душа Давыдки поетъ:

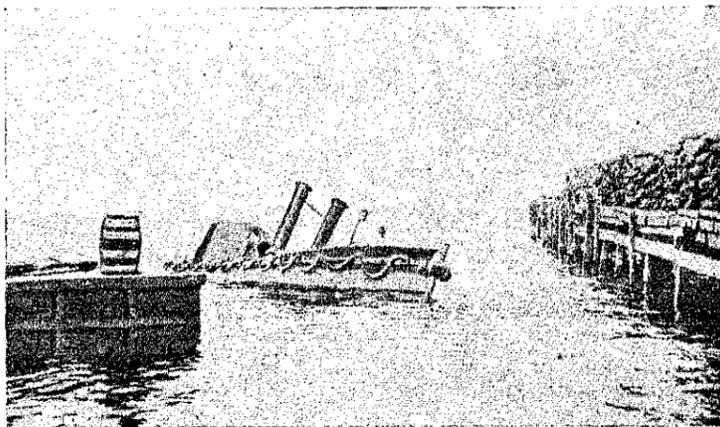
— Гей! Крадется ночью батырь Джавидъ-оглы, какъ дикая рысь по степи, и не страшна батырю смерть.

— Гей! Огненные цвѣты нужны батырю, огненные цвѣты!

И ночью, когда громъ канонады доходитъ до вышаго напряженія, и, кажется, что небо падаетъ на землю, Давыдка входитъ въ землянку полуротнаго съ огромнымъ букетомъ желтыхъ лилій и говоритъ:

— Тибѣ, ваше благородіе!

Изъ лѣваго плеча у него струится кровь, но онъ счастливо улыбается, киваетъ головою и повторяетъ, сунувъ полуротному цвѣты:

Жертва германской мины.

— Тибѣ, тибѣ!

Когда утромъ приказали итти въ атаку, Давыдка вмѣстѣ со всѣми выскочилъ изъ-за землянаго прикрытія и бросился впередъ. Онъ зналъ, что нужно дѣлать: нужно колоть и бить людей въ сѣро-синихъ мундирахъ до тѣхъ поръ, пока порѣдѣютъ ихъ ряды, пока они не бросятся прочь отъ Н-скаго пѣхотнаго полка. Тогда Н-скій полкъ займетъ ихъ окопы, и все будетъ хорошо.

Били барабаны, надъ головою Давыдки шелестѣло развернутое знамя, и взявшаго на его расшитое полотно, Давыдка радостно подумалъ:

— Харуга!

То, что били барабаны, что шелестѣла «харуга», что пули жужжали, какъ большіе шмели, что всѣ, а вмѣстѣ со всѣми и онъ, Давыдка, громко кричали «ура», было весело, пьянило голову и приливало горячую кровь къ сердцу.

Полуротный, размахивая шашкой и что-то крича, выскочилъ впередъ, поскользнулся, упалъ и снова поднялся, и снова побѣжалъ. Вся рота рванулась за нимъ, и всѣ кричали, а Давыдка, потрясая винтовкой, пѣлъ съ присвистомъ пѣсню о батырь Джавидъ-оглы-Бородулинѣ и, заглушая выстрѣлы, кричалъ по-степному, широко, вольно и дико:

— Ге—гей!

Онъ не былъ уже ни Давыдкой, ни Джавидомъ-оглы. Онъ былъ кровожадной рысью, которая, бросаясь на добычу, дѣлаетъ хищный скачокъ и шелкаетъ острыми зубами, или допотопнымъ человѣкомъ, съ каменнымъ топоромъ въ рукѣ, человѣкомъ, который недавно бросилъ привычку ходить на четверенькахъ и всталъ на дыбы. И всѣ были такіе же, какъ Давыдка, даже полуротный, который однимъ взмахомъ шашки срубилъ голову сине-сѣрому врагу, а тотъ, безъ головы, пробѣжалъ еще нѣсколько шаговъ, судорожно тыкая впередъ штыкомъ, словно продолжалъ сражаться безголовый. И упалъ, царапая ногтями землю.

Гей—гей!

Прокалывая чье-то грузное тѣло, навалившееся на Давыдку, штыкъ его встрѣтилъ на своемъ пути позвонокъ и согнулся. Давыдка повертѣлъ ружье въ рукахъ, плюнулъ съ досады и сталъ бить прикладомъ. Онъ слышалъ стоны и трескъ костей, за рукавъ ему заползла теплая и липкая струя крови, что-то обожгло ему подбородокъ, но онъ билъ и прорывался впередъ, къ рощѣ, гдѣ сверкала сабля полуротнаго.

Прикладъ разлетѣлся въ щепки. Въ рукахъ у Давыдки было дуло, и онъ отбросилъ его прочь. Пальцы его вдругъ сдѣлались цѣпкими, какъ у кошки, онъ душилъ и рвалъ, царапалъ и кусался.

У самой опушки лѣса острая боль пронзила его грудь и спину. Рослый австріецъ проткнулъ Давыдку штыкомъ и самъ упалъ, сраженный сзади ударомъ шашки по темени. У Давыдки забулькало что-то въ горлѣ, онъ собралъ всѣ свои силы, выдернулъ вонзившійся въ него штыкъ и упалъ.

Сколько времени прошло съ тѣхъ поръ, какъ онъ упалъ, Давыдка не зналъ. Онъ очнулся отъ холода и отъ того, что кто-то сѣлъ ему на грудь и громко крикнулъ:

— Кр-ра!

Это былъ воронъ. Давыдка спугнулъ его, и онъ тяжело полетѣлъ дальше. Уже синѣло утро, и въ призрачномъ, трепещущемъ полусвѣтѣ видно было, какъ изъ-за деревьевъ, изъ-за кустовъ и кочекъ торчатъ сапоги, много сапогъ.

Давыдка сѣлъ. Онъ былъ слабъ, хотѣлось спать, въ глазахъ мелькали зеленныя искры, но груди не было больно, только что-то тяжелое и острое спирало дыханіе, которое вылетало со страннымъ, свистящимъ хрипомъ.

Давыдка прислушался къ своему дыханію, раза два нарочно глубоко вздохнулъ, отъ чего въ груди больно укололо, и удивленно сказалъ:

— Музыка!

— Ты живъ, братецъ?

Пара сапогъ, на которые пристально глядѣлъ уже въ теченіе нѣсколькихъ минутъ Давыдка, пара удивительно знакомыхъ сапогъ зашевелилась, и изъ густого папоротника поднялся полуротный.

— Такъ точно, ваше благородіе,—хотѣлъ сказать Давыдка,—но вмѣсто этого виновато улыбнулся и заморгалъ глазами: онъ не имѣлъ силы встать и вытянуться по швамъ. Ай, какъ нехорошо!

Полуротный подползъ къ Давыдкѣ, осмотрѣлъ его и протяжно свистнулъ:

— Здорово тебя обработали, братецъ! Да ты, братъ, богатырь какой-то, если съ такой раной да еще въ сознаніи.

Давыдка закивалъ головою:

— Да, да, точно такъ. Богатырь Джавидъ-оглы-Бородулинъ.

— Вотъ что, герой: встать не можешь?

Давыдка попробовалъ встать, но застоналъ и тяжело сѣлъ на землю.

— М-да! Дрянъ дѣло! Видишь ли, милый, я раненъ въ голову и лежалъ безъ памяти. Сколько времени? Чортъ его знаетъ! Дня три, надо полагать, потому что здѣсь все провонялось. Такъ вотъ: Я возьму тебя на спину и понесу. У тебя голова цѣла, а у меня—ноги. Ну-ка!

Прежде, чѣмъ Давыдка успѣлъ возразить полуротному, тотъ взвалилъ его въ себѣ на плечи и, спотыкаясь и шатаясь, понесъ, крикнувъ ему только:

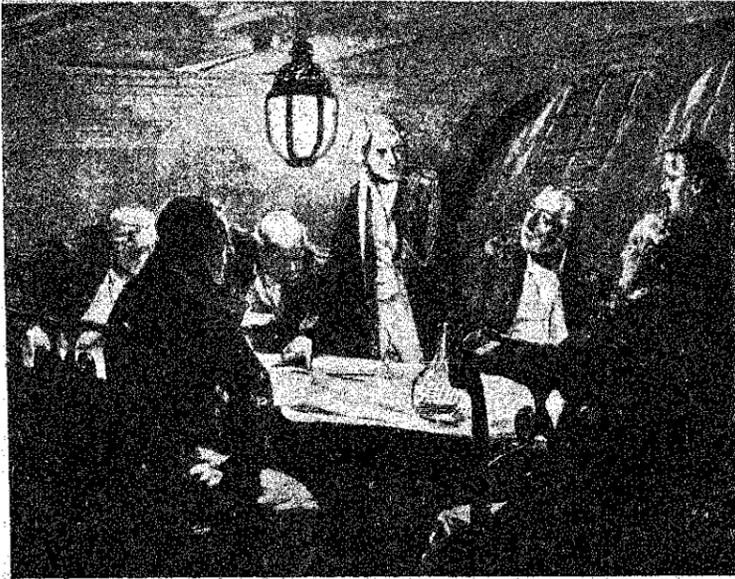
— Обними меня руками за шею. Гляди въ оба.

Прошли въ лѣсъ, вышли на открытое поле. Трудно было понять, куда итти, но Давыдка зналъ, что тамъ, на западъ, гдѣ туманъ гуще и желтѣе, тамъ люди: наши ли, чужіе — разобрать невозможно.

Полуротный усталъ и тяжело дышалъ. У Давыдки болѣла грудь и спина, такъ сильно болѣла, что захватывало дыханіе и мутилось въ головѣ.

— Передохнемъ,—сказалъ полуротный и спустил Давыдку на землю.

Онъ легъ, вытянулся и устало закрылъ глаза. Давыдка, не шевелясь и стараясь не дышать, сидѣлъ полѣ полурот-

Ночь передъ Трафальгарскимъ боемъ.

Картина Фреда Рока «Ночь передъ Трафальгарскимъ боемъ» воскрешаетъ одно изъ знаменитѣйшихъ событій эпохи наполеоновскихъ войнъ въ Западной Европѣ. Въ Средиземномъ морѣ, 21 октября 1806 года военныя силы Наполеона потерпѣли неожиданное поражение въ битвѣ при Трафальгарѣ.

Героемъ этой знаменитой битвы явился англійскій адмиралъ Нельсонъ.

Онъ разгромилъ французскій флотъ, предводительствуемый Вильневомъ, но и самъ погибъ во время сраженія.

Художникъ изобразилъ военный совѣтъ на адмиральскомъ кораблѣ «Викторія» подъ предсѣдательствомъ Нельсона.

ИЗЪ ОСАДЫ ПОРТЪ-АРТУРА.

Русскіе наблюдаютъ за японскимъ флотомъ, выставивъ на скалахъ, для отвлеченія вниманія, деревянныя фигуры, по которымъ съ японскихъ судовъ немедленно былъ открытъ сильный огонь.

наго и ждалъ. И, убѣдившись, что полуротный уснулъ, онъ сказалъ:

— Спи, ваше благородіе!

И поползъ по направленію къ тому мѣсту, гдѣ, по его мнѣнію, были люди.

Онъ ползъ осторожно, прислушиваясь къ каждому шороху. Иногда онъ приподымалъ голову и разглядывалъ даль. Иногда отхаркивался кровью, хватался руками за хрипѣвшую грудь и говорилъ:

— Погоди, батырь Джавидъ, послѣ умрешь.

Добрался до холма, вползъ наверхъ и въ низинѣ увидѣлъ желтосѣрыя пятна: наши.

Собравъ весь остатокъ своихъ силъ, Давыдка спустился, почти скатился съ холма. Изъ землянки, которая находилась у самаго подножія, выскочилъ часовой:

— Кто?

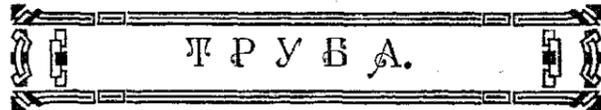
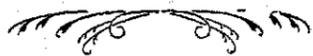
— Батырь Джавидъ-оглы-Бородулинъ. Рядовой пятой роты N—скаго пѣхотнаго полка. Зови начальство. Вздохнулъ, улынулся и добавилъ:

— А тамъ въ балкѣ его благородіе. Спать.

Онъ указалъ рукою, гдѣ спитъ его благородіе, вспомнилъ о своихъ степяхъ, объ овцахъ, о кутцѣ Мухамедовѣ и о пастухѣ Давынкѣ и въ послѣдній разъ закрылъ глаза, шепнувъ:

— Прощай, Джавидъ.

Я. Окуневъ.

Холодная, поблескивая вяло,
На пострѣвшемъ, стершемся ремнѣ,
Она весь день сегодня промолчала
И грусть ея родна, понятна мнѣ...
Въ осенній день такъ больно быть рабою,
Нѣмой, таящей въ сердцѣ бурю гаммъ,
Молчать, когда всѣ ждутъ призыва къ бою,
Но... вотъ она поднесена къ губамъ,
И, дрожью трубача уста сжимая,
Она заставитъ жадно грудь вздохнуть
И, бросивъ кличъ взволнованный, какъ ртуть,
Творитъ движеніе, всю жизнь благословляя...
Такой восторгъ она родила въ полѣ,
Такою ширь открыла предъ борьбой,
Что понялъ я, какъ много скорбной боли
Должно быть въ ней, рыдающей — «отбой»!

Сергѣй Михѣевъ.

На войну. Казакъ и дѣвушка.

Граммофонъ.

Быль Ал. Королева.

I.

Когда знакомые и пріятели Коли Воронова узнали, что онъ отправляется на войну въ качествѣ добровольца, они рѣшили устроить ему прощальный вечеръ.

На этомъ вечерѣ было очень весело. Сережа Михѣевъ, товарищъ Коли, досталъ откуда-то двѣ бутылки изъ-подъ водки, поставилъ ихъ на столъ и прекрасно изображалъ пьянаго. Другой товарищъ, загримировавшись нѣмецкимъ кабатчикомъ, уморительно услуживалъ ему, представляя съ мѣста на мѣсто пустяк бутылки, и всѣ много хохотали.

Но самому Колѣ Воронову было веселѣе всѣхъ.

Катя, которую онъ любилъ со всей горячей нѣжностью первой любви и которая тоже, конечно, была на вечеринкѣ, — съ восторгомъ и гордостью смотрѣла на него украдкой, жала руки, гладила волосы, и Коля чувствовалъ, что онъ необычайно, неслыханно, неповторимо счастливъ!..

Къ концу вечера, когда всѣ немного устали отъ хохота и безконечныхъ веселыхъ пролѣлокъ, кто-то принесъ изъ сосѣдней квартиры граммофонъ. Пластинокъ къ нему почему-то не было, за исключеніемъ одной. Это былъ прекрасный, нѣжный, захватывающій мотивъ какого-то не то вальса, не то марша.

Коля, на котораго всегда дѣйствовала музыка, до того растрогался красотой его мотива, что почувствовалъ влагу на глазахъ.

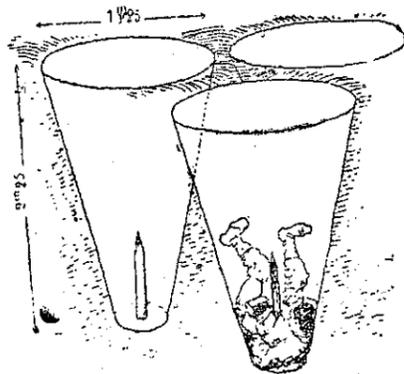
— Чортъ возьми! — воскликнулъ онъ, — гдѣ вы взяли эту прелесть?

— Это мой, — отвѣтилъ сосѣдъ, который принесъ съ собою граммофонъ, — а хочешь, — продолжалъ онъ, — бери его съ собою! Заводи въ дорогѣ, и пусть тѣшатся солдатики...

— Что ты! Зачѣмъ! Спасибо! — пробовалъ было отказать Коля.

Но сосѣдъ такъ настаивалъ, что пришлось взять.

И, въ сущности, Коля былъ чрез-

Волчьи ямы, сооружаемыя болгарскими на сербскомъ фронтѣ.

вычайно радъ подарку. Что-то было въ звукахъ этого граммофона и въ мотивѣ единственной пластинки такое, что радостно и сильно волновало его. Какъ это всегда бываетъ въ подобныхъ случаяхъ, съ мотивомъ связалось представленіе о Катѣ, въ звукахъ марша чудился ея голосъ, а въ веселый смѣхъ...

И когда вечеринка кончилась и Коля, попрощавшись со всѣми, отправился домой, то долго еще чуть ли не до разсвѣта, сидѣлъ въ своей комнатѣ, полускрывъ глаза, слушалъ плѣнившій его мотивъ и грешил въ неизяснимомъ блаженствѣ.

II.

Въ походѣ для молодого добровольца выпадали тяжелые дни. Приходилось дѣлать огромные переходы по совершенно размокшимъ; глинистымъ и вязкимъ дорогамъ. Почти все время непрерывно лилъ дождь. Все было мокро. Аммуниція казалась невѣроятно тяжелой, но граммофона Коля все-таки не бросалъ.

Почти все время онъ носилъ его съ собою, несмотря на то, что это было очень трудно, и только иногда, когда обозъ былъ неподалеку — пристраивалъ его на повозкѣ.

Коля мечталъ о томъ, какъ бы поскорѣе добраться до передовыхъ позицій. Хотѣлось ужъ увидѣть врага лицомъ къ лицу. Но, какъ на зло, передовыя позиціи все отдалялись, такъ какъ непріятель отступалъ, а та часть войскъ, въ которой служилъ Коля, совершала какой-то обходъ, и ходить приходилось много.

Но вотъ, наконецъ, пришло приказаніе рыть окопы. По всему было видно, что здѣсь врагъ будетъ держаться крѣпко, и бой съ нимъ предстоялъ серьезный.

Коля работалъ изо всѣхъ силъ. Каждую мелочь въ устройствѣ окоповъ онъ окружалъ такой заботливостью, точно онъ жилище свое устраивалъ. Но зато окопы вышли прекрасные. Въ нихъ можно было прекрасно укрыться отъ огня, стрѣлять изъ нихъ было чрезвычайно удобно, а отдыхать можно было даже съ нѣкоторымъ комфортомъ...

Разумѣется, граммофона своего Коля не забылъ поставить, и за три дня, проведенные въ бою, весь взводъ успѣлъ полюбить необыкновенный мотивъ его единственной пластинки. Солдаты, по вечерамъ, когда стихала перестрѣлка, наперерывъ просили «заводить» машинку,

Коля заводилъ, и всѣхъ безъ исключенія трогала прелестная музыка.

Ш.

Однако, на четвертый день случилось такъ, что расположенные противъ Колинаго окопа нѣмцы сдѣлали ночную вылазку, и всему взводу пришлось оставить окопъ. Нѣмцы въ пять разъ превосходили численностью ту часть фронта, на кото-

Да развѣ долго они продержатся въ нашемъ окопѣ!..

— Братцы! Вы клянетесь мнѣ въ томъ, что отнимете?

— Клянемся! — съ улыбкой отвѣчали Колѣ товарищи.

И, дѣйствительно, Коля почувствовалъ, что долго граммофону быть въ плѣну не придется.

Колинъ взводъ расположился въ лѣсу, въ нѣсколькихъ саженяхъ отъ

рячую атаку, чтобы только отбить то, съ чѣмъ было связано у него столько прекрасныхъ воспоминаній и что доставляло ему такъ много удовольствія.

По вечерамъ, когда прекращалась перестрѣлка, Коля выходилъ на опушку и чутко прислушивался—не завели ли нѣмцы граммофонъ. Но ничего не было слышно. И Коля съ грустью возвращался на свое мѣсто.

ВОЙНА ВЪ ИСТОРИЧЕСКИХЪ КАРТИНАХЪ.

Плѣнницы.

рую напали, и такъ какъ ихъ атака носила не общій, а совершенно случайный характеръ, то приказано было оставить окопъ.

Солдаты оставили. Но Коля только черезъ часъ замѣтилъ, что граммофонъ забытъ имъ, и невольно схватилъ себя руками за голову.

— Проклятые нѣмцы! — въ отчаяннѣйшій крикъ закричалъ онъ, — вѣдь, они его изрубятъ! Вѣдь, они звѣри!

— Ничего, — успокаивали Колю солдаты, — не успѣютъ! Отнимемъ!

занятаго нѣмцами окопа. Лѣсъ находился на холмикѣ, и солдатамъ было видно, какъ непріятель подбираетъ своихъ раненыхъ, хоронитъ мертвыхъ и, главное, какъ въ окопѣ все меньше становится враговъ.

Какая участь постигла граммофонъ — Коля не зналъ, но думалъ онъ о немъ много. Ему было стыдно признаваться товарищамъ, но мысль о граммофонѣ была въ тѣ дни его главной мыслью, и онъ съ радостью бросился бы въ самую го-

IV.

Прошло, такимъ образомъ, два дня.

На разсвѣтѣ третьяго дня кто-то сказалъ Колѣ, который чистилъ свою винтовку:

— Ишь, черти, завели машинку... Должно, нашли пластинку...

Дѣйствительно, до лѣса явственно доносился прекрасный мотивъ, такой дорогой для Коли, и Коля почувствовалъ, что теперь настало вре-

ВОЙНА ВЪ КАРРИКАТУРЪ.

ТУРКИ ИМИТИРУЮТЪ ДѢЙСТІЕ БАТАРЕИ.

МАХМУДКА: — Проклятіе! Меня уже начинаетъ тошнить отъ этихъ гнусныхъ сигаръ.

ня отбить граммофонъ. Больше томиться по немъ онъ былъ не въ состояніи.

Схвативъ винтовку, онъ выбѣжалъ на опушку, прицѣлился и одну за другой съ удивительной мѣткостью сталъ посылать нѣмцамъ пули.

Только что проснувшіеся солдаты, товарищи Коли, не зная, въ чемъ дѣло, тоже выбѣжали на опушку, и пули посыпались въ окопъ сотнями.

Было ясно, что скоро будетъ атака.

Коля былъ впереди всѣхъ, стрѣлялъ безъ всякаго прикрытія, стоя и съ колѣна, и не замѣтилъ даже, какъ изъ окопа постепенно перестали раздаваться отвѣтные выстрѣлы...

Онъ слышалъ только, что граммофонъ продолжалъ играть, и удивлялся, почему никто изъ нѣмцевъ не отвѣчаетъ на выстрѣлы...

Ожидая со стороны непріятеля какой-нибудь хитрости и будучи готовымъ ко всему, Коля съ крикомъ «ура» бросился къ окопу, зная, что за нимъ несется весь взводъ...

Граммoфонъ все еще продолжалъ играть, и Коля почти видѣлъ передъ глазами образъ своей возлюбленной, который такъ сросся въ его воображеніи съ мотивомъ марша.

— Ура! — продолжалъ кричать онъ, но вскорѣ, добѣжавъ до окопа, остановился и испыталъ то изумленіе, какое нерѣдко приходится испытывать на войнѣ, въ окопѣ, въ лужахъ крови, — другъ на другѣ лежали двѣнадцать нѣмецкихъ солдатъ...

Всѣ были мертвы...

А граммофонъ, который некому было остановить, спокойно и нѣжно исполнялъ прекрасный мотивъ своей единственной пластинки...

Ал. Королевъ.

Ближайшее будущее.

Нашъ долгъ.

Всѣхъ, позабывшихъ жизнь свою
И слившихся въ святую лаву,
И погибающихъ въ бою
За честь Россіи и за славу,—

Не надо празднословить ихъ:
Они—въ безсмертномъ ореолѣ,
Какой воздасть награду стихъ
За подвигъ чести, подвигъ бои?

Ихъ имена занесены
На нерушимыя скрижали.
А мы достойными должны.
Быть славы, что они стяжали.

Мѣшайте цѣпкой нищетѣ
Къ ихъ семьямъ находить дорогу.—
Не оскудѣютъ руки тѣ,
Что обездоленнымъ помогутъ.

Не подаянье это, нѣтъ,
А долгъ героямъ неоплатный,
За озаренія побѣдъ
И за тяжелый подвигъ ратный.

Георгій Ивановъ.

*****
* Пароходъ „Рубонія“. *
*****

Недавно покончилъ жизнь самоубійствомъ капитанъ парохода Русскаго Восточно-Азіатскаго пароходства «Рубонія» І. Лусъ. Передъ тѣмъ покончилъ жизнь самоубійствомъ капитанъ того же парохода Дамбе. Лусъ былъ назначенъ на его мѣсто. Покойный Лусъ былъ родомъ изъ Залисбурга. «Р. Post.» сообщаетъ нѣкоторыя подробности плаванія русскихъ пароходовъ на южно африканской линіи, которую обслуживалъ пароходъ «Рубонія». Прежде на этой линіи плавали нѣсколько пароходовъ Восточно-Азіатскаго пароходства: «Ливонія», «Эстонія», «Соперникъ» и «Сотрудникъ», которые въ настоящее время частью проданы, часть погибли. Остался единственный пароходъ «Рубонія», плававшій еще подъ русскимъ флагомъ на линіи Сѣверное море — Африка. Но лѣтомъ этотъ пароходъ былъ постигнутъ въ Сѣверномъ морѣ германской подводной лодкой и потопленъ ею.

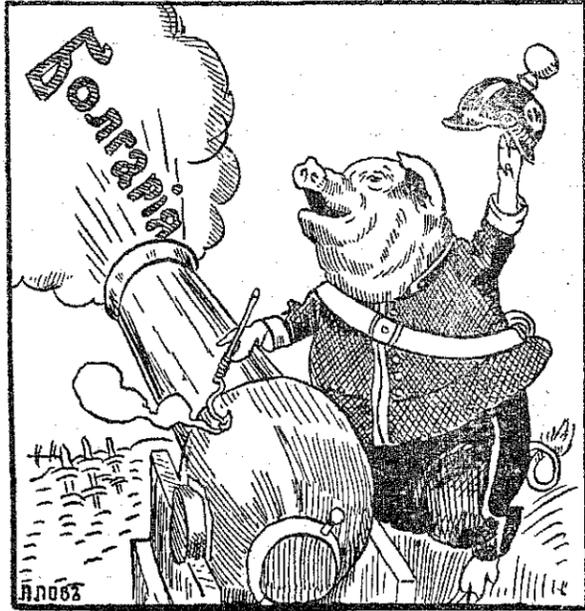
Интересны подробности этого пиратскаго дѣла. Когда команда уже сошла съ парохода въ лодку, командиръ подводной лодки сказалъ имъ:

— Идите теперь домой и скажите Верховному Главнокомандующе-

МИРОВАЯ ВОЙНА ВЪ КАРРИКАТУРЪ.

Послѣднее свинство.

Громъ не изъ тучи, а изъ... кучи!

му, что онъ напрасно проливаетъ кровь, заключимъ миръ, а потомъ пойдемъ на англичанъ.

Моряки были брошены среди открытаго моря на произволъ судьбы на маленькой лодкѣ. Они блуждали по морю сутки и обязаны своему спасенію лишь хорошей погодѣ.

Спасшіеся моряки вернулись на родину. Капитанъ Лусъ въ Петроградѣ былъ назначенъ на другой пароходъ, гдѣ и повѣсилъ. Что побудило его къ этому — неизвѣстно.

Письмо французскаго мальчюка къ Порфирію Панасюку.

Извѣстія о мученіяхъ, которымъ подвергли нѣмцы Порфирія Панасюка, дошли и до Франціи, и вызвали тамъ большое негодованіе. На-дняхъ въ Варшаву было прислано на имя Панасюка открытое письмо слѣдующаго содержанія:

«Дорогой солдатъ!

Никогда еще варварство германцевъ не сталкивалось съ такимъ выдающимся мужествомъ и съ такой душой, какъ ваша. Нельзя вѣрить, чтобы въ нашъ вѣкъ могли имѣть мѣсто въ Европѣ подобныя звѣрскіе поступки, достойныя каннибаловъ, и, тѣмъ не менѣе, сообщенія русской прессы удостовѣряютъ недавнее совершеніе такого поступка.

Нельзя читать безъ волненія эти, ставшія достояніемъ исторіи, страницы, написанныя вашей кровью.

Однако, ни одна капля пролитой крови не пропадетъ даромъ. Солдаты союзныхъ армій сражаются за общую побѣду и за торжество цивилизаціи надъ германской «культурой».

Я слишкомъ еще молодъ, чтобы быть солдатомъ, но, несмотря на это, позвольте мнѣ выразить мое восхищеніе вами и пожелать вамъ полнаго выздоровленія для того, чтобы вы могли снова увидѣть ожидаю-

щихъ васъ вашихъ родныхъ и со славою вернуться на родину.

Я посылаю вамъ фотографіи французскихъ солдатъ, сражающихся, подобно русскимъ, за торжество правды.

Не зная русскаго языка, пишу вамъ по-французски, и надѣюсь, что вы найдете въ Варшавѣ кого-нибудь, кто переведетъ вамъ мое письмо и отвѣтитъ мнѣ по-французски.

Шевро».

БЮЛОВЪ ВЪ ГРЕЦИИ.

Первая скрипка германскаго оркестра пытается «нотнымъ» ключемъ открыть нужныя двери!

Чѣмъ не Марсъ?

(Новый актеръ опереточной труппы Вильгельма Гогенцоллерна).

Изъ исторіи русско-японской войны,

Въ «Рус. Ст.» были напечатаны воспоминанія Славнева о боевой жизни владивостокской эскадры во время русско-японской войны.

Въ штабѣ командующаго флотомъ что-то затѣвается: флаг-офицеры, непроницаемые, какъ переборки, исподволь разспрашиваютъ судовыхъ офицеровъ о томъ, о другомъ, и, внимательно разбирая эти вопросы, можно придти къ заключенію, что есть какія-то интересныя извѣстія, и отряду крейсеровъ предстоитъ походъ.

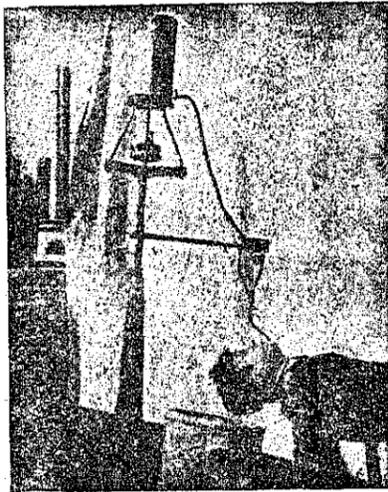
На самомъ отрядѣ припустили стѣнки, чтобы ввести въ заблужденіе непріятеля, если онъ будетъ опредѣлять разстояніе по высотѣ рангоута; принять полный запасъ угля, образованы призовыя партіи для захвата и привода въ Владивостокъ пароходовъ съ военной контр-рабандой, введены доморощенные усовершенствованія въ средствахъ нападенія и обороны, а духъ всего личнаго состава не заставлялъ желать ничего лучшаго. Въ глубинѣ души только таилась обидная боязнь за участь самаго быстроходнаго, но и самаго слабаго крейсера: двѣ недѣли назадъ выскочилъ онъ на камни около мыса Брюса, и, несмотря на усилія всего отряда, еще не удалось его съ нихъ снять, а между тѣмъ каждую минуту могутъ придти вражескіе миноносцы, и одной мины будетъ достаточно, чтобы изящный, легкой постройки крейсеръ переломился и безславно погибъ, въ тяжелое для русскаго флота время.

Не обманулось напряженное воображеніе личнаго состава, оправдались предположенія о скоромъ походѣ: подъ покровомъ ночи снялся съ якоря отрядъ, и три грозныхъ крейсера вновь на просторѣ голубого моря и прямо идутъ на врага, готовые броситься на него и наказать, если позабылъ онъ, что они существуютъ, если думаетъ, что мирно дремлютъ они на рейдѣ тихаго залива.

Старая команда сильнѣйшаго крейсера, много разъ ходившая на немъ изъ Артура во Владивостокъ и обратно, уже изъ курса догадалась, что отрядъ идетъ къ Цусимскому проливу, и идутъ въ цей разговоры

объ этихъ переходахъ, совершенныхъ также въ боевой обстановкѣ.

— Самое опасное мѣсто идемъ, — говорилъ рулевой старшина, кое-что смыслившій въ картахъ, уже 5 лѣтъ помогающаго старшему штурману разбирать, принимать, перекладывать эту часть судового имущества, — съ одной стороны это, значитъ, будетъ военный портъ Сасебо, туда ни одно военное судно иностранной націи не пуцаютъ, съ другой — острогъ и на немъ портъ минный, а отъ Кореи глядѣть, такъ тутъ Мозанпа, богатѣйшій рейдъ, гавань, можно сказать... Мы на это мѣсто

Новый способъ спасенія отравленныхъ германскими удушливыми газами.

долго цѣлили для своего порта; да опасновато: имъ, желторожимъ, до Японіи рукой подать, а намъ гуляй во Владивостокъ или Портъ-Артуръ.

— А зачѣмъ же ходить-то въ Артуръ или во Владивостокъ? Гавань хорошая, ну и стой, — полоблапытствовалъ ученикъ рулевой.

— Сбрый ты, я вижу. А исправленія гдѣ сдѣлать, примѣрно у тебя машина спортится, или руль, въ докъ надо, или на заводъ вещь отдать, — такъ это гдѣ жъ ты будешь дѣлать. Хотя бы маленькую мастерскую имѣть...

— Такъ вотъ бы и построили на берегу. — вмѣшался въ разговоръ минный машинистъ.

— А позволить-то кто? Шинь съ масломъ покажутъ тебѣ.

— Нечего и разговаривать было: взяли бы да и построили.

— А онъ тебѣ войну.

— Да война-то все равно есть.

— Да ты зря къ словамъ не привязывайся... эта война неправильная.

— Почему же неправильная?

— Да вотъ, можно сказать, безъ объявленія.

— А по твоему нужно было что ли написать: «Милые вы мои, мы къ вамъ сегодня придемъ и будемъ въ васъ минами стрѣлять».

— Нѣтъ, подожди, ты отъ дѣла ушелъ; безъ порта, значитъ, гавань ничего не стоитъ — вотъ что я говорю... — пытается вернуться къ прежнему разговору рулевой старшина.

— А я говорю, строй этотъ самый портъ, — не унимался минный машинистъ...

Кучка слушателей начала уже подтрунивать надъ рулевымъ старшиной, но изъ затруднительнаго положенія его выручилъ случайно присутствовавшій при спорѣ младшій штурманъ-мичманъ.

— Затрудненіе это не столько въ томъ, чтобы портъ выстроить, а надо прежде всего его защитить, т. е. построить крѣпость, а то можетъ случиться такъ, что эскадра выйдетъ изъ порта въ море искать непріятеля, и тогда нѣсколько непріятельскихъ судовъ могутъ разгромить портъ; строить же крѣпость близъ владѣній врага, не имѣя достаточнаго превосходства въ морскихъ силахъ, неосторожно, такъ какъ въ случаѣ неудачи всѣ постройки могутъ пригодиться непріятелю, — пояснял мичманъ внимательно слушавшимъ матросамъ, когда же онъ ушелъ, рулевой старшина самодовольно заявилъ:

— Это самое я и норовилъ сказать.

— То-то норовилъ, да мозговъ и не хватило, — продолжалъ издѣваться надъ нимъ его противникъ по спору.

Долго бы еще тянулось ихъ словопреніе, если бы миннаго машиниста не вызвали на вахту.

Къ вечеру второго дня отрядъ подошелъ къ высокому острову, находившемуся въ $\frac{3}{4}$ пути отъ Владивостока къ Цусимскому проливу.

— Только бы не было у нихъ поставлено здѣсь искрового телеграфа, а то вся затѣя пропадетъ даромъ, — говорилъ старшій офицеръ, стоя въ кучкѣ офицеровъ, собравшихся на ютѣ и внимательно разсматривавшихъ островъ.

Лучше смерть, чѣмъ позоръ. Эпизодъ изъ время татарскаго нашествія.

Съ картины Н. Матвѣева.

— Ничего подозрительнаго не видно; лѣсъ, конечно, можетъ замаскировать мачту, но все-таки она должна быть выше окружающихъ ее предметовъ; а какая затѣя, надо

надбаться, что это не секретъ? — не отнимая отъ глазъ бинокля, спросилъ второй минный офицеръ. — Точныхъ свѣдѣній не имѣю, да и въ штабѣ ихъ нѣтъ, но суме-

ствуетъ предположеніе, что идетъ усиленная перевозка войскъ изъ Японіи къ Ляодуну и Портъ-Артуру; и наша задача—найти какой-нибудь эшелонъ транспортовъ и если

ВОЕННЫЕ ПЛАЩИ ВЪ СРЕДНІЕ ВѢКА.

Рыцарскій плащъ XIII вѣка, по
Виоле-ле-Дюку.

онъ идетъ съ небольшимъ конвоемъ, раскатать его; а случись, тамъ будетъ Камимура со всеми своими крейсерами, то можемъ, конечно, и мы нарваться; но все-таки надо будетъ учесть, что появленіе крейсеровъ въ центрѣ ихъ линіи сообщеній задержитъ спокойное передвиженіе войскъ.

— И пожалуй, расчетъ штаба правиленъ: вѣдь, послѣ гибели 2 сильнѣйшихъ броненосцевъ, они должны будутъ усилить свой флотъ у Портъ-Артура, тѣмъ болѣе, что поврежденные суда наши подправляются; я положительно думаю, что Камимура находится у Портъ-Артура, и мы можемъ погулять на просторѣ,—вмѣшался въ разговоръ и артиллерійскій офицеръ.

Около офицеровъ, оживленно болтавшихъ на эту тему, стояло нѣсколько матросовъ изъ числа вахтенныхъ и очередной смѣны у пушекъ; вполне отдавая себѣ отчетъ въ теченіи военныхъ дѣйствій, привыкшіе вѣрить своимъ офицерамъ, прислушивались они къ этой бесѣдѣ, и благодаря свѣжей памяти, отъ слова до слова передавали всѣ эти разсужденія своимъ пріятелямъ, тѣ другимъ, и вмѣстѣ съ этими логическими доводами въ умы команды проникла и увѣренность въ успѣхъ предполагаемаго набѣга.

Съ наступленіемъ утра на мглестомъ горизонтѣ отрядъ увидѣлъ коммерческой пароходъ, шедшій со стороны Кореи къ Японіи. Первоначально гытался онъ удалиться, но нѣсколько снарядовъ, попавшихъ въ машину и котлы, принудили его остановиться. Отрядъ, находившійся въ 40 миляхъ отъ Сасебо, не предполагая брать его съ собой въ

видѣ приза, и адмиралъ, приказавъ сигналомъ по международному своду покинуть пароходъ, началъ его разстрѣливать; тѣмъ не менѣе, для подбирания плѣнныхъ былъ спущенъ баркасъ, который взялъ многихъ японцевъ изъ воды, въ томъ числѣ и капитана этого парохода. Находясь въ водѣ и держась за обломокъ, онъ указывалъ русскому офицеру на своихъ плававшихъ собратій съ просьбой ихъ подобрать ранѣе, чѣмъ его, а когда извлекли его изъ воды, то велико было изумленіе находившихся въ шлюпкѣ: у бравого японца правая нога была оторвана до колѣна!

Затѣмъ наши крейсера видѣли два зазѣвавшихся японскихъ транс-

ВОЕННЫЕ ПЛАЩИ ВЪ СРЕДНІЕ ВѢКА.

Рыцарскій плащъ XIII вѣка, по
Виоле-ле-Дюку.

порта. Едва послѣдніе увидѣли свою ошибку, какъ стали быстро поворачивать вспякъ, но крейсера уже ихъ преслѣдовали; одинъ транспортъ, послѣ двухъ выстрѣловъ, направленныхъ нарочно въ воду около него, остановился; другой упорно шелъ къ Японіи. Сильнѣйшій крейсеръ, обстрѣливая, сталъ его нагонять, и черезъ нѣсколько минутъ громадный клубъ бѣлаго пара, вырвавшійся изъ нѣдра парохода, и замедлившійся ходъ послѣдняго возвѣстили, что снарядъ удачно попалъ въ котель. Расстояніе между судами съ каждой секундой уменьшалось. Простому глазу стало замѣтно, что пароходъ былъ сильно загруженъ, а съ 2 кабельтовыхъ расстоянія увидѣли,

что на палубѣ, загроможденной ящиками, стояли толпы солдатъ; въ громадные иллюминаторы и свѣтовые люки, въ два ряда расположенные по борту, то и дѣло выглядывали лица и быстро скрывались.

«Покиньте вашъ корабль», развѣвается по международному своду сигналъ, но для каждаго изъ находящихся на крейсереъ понятно, что только ничтожная часть людей можетъ спастись, да, наконецъ, еще ярче выступаетъ мысль, что и нельзя допускать, чтобы эти люди спаслись, это вѣдь враги японцы, они идутъ на поля Манчжуріи, чтобы усилить свои силы, чтобы вступить въ бой съ родными русскими солдатами! Транспортъ разворачивается и направляется къ кормѣ неподвижно стоящаго крейсера. Въ бинокль ясно видно, что капитанъ парохода, повидимому, англичанинъ, съ сигарой во рту, подходитъ къ машинному телеграфу и вѣроятно даетъ полный ходъ — очевидно, хотѣя нанести таранный ударъ. Лихой командоръ ретиральной пушки посылаетъ снарядъ, разрывающійся на мостикѣ, крейсеръ прибавляетъ ходъ и съ лѣваго борта открывается убійственный огонь. Градъ снарядовъ пронизаетъ бортъ громаднаго парохода, который вдругъ какъ бы ожилъ: беспорядочно спускаются съ него шлюпки, съ борта стали прыгать въ воду люди: одно, другое — десятки тѣлъ уже плаваютъ на поверхности воды; изъ иллюминаторовъ и свѣтовыхъ люковъ тоже бросаются въ воду человѣческія фигуры. Вотъ идетъ шлюпка подъ бѣлымъ флагомъ, но не суждено ей было дойти до крейсера: восьмидюймовый снарядъ, направленный въ подводную часть парохода, пролетѣлъ надъ ней и, давленіемъ разрѣзаемаго имъ воздуха, смело съ этой шлюпки всѣхъ находившихся на ней людей. Несмотря на большое число снарядовъ, громадный транспортъ, имѣвшій, вѣроятно, полный запасъ угля, приспособленный для океанскаго плаванія, точно и не собирается погружаться въ воду.

— Смотрите, ребята, какъ долго можетъ держаться обыкновенный пароходъ, — говоритъ баковый лейтенантъ, — а военное судно, если оно бронировано, можетъ выдержать бой до безконечности, только бы хватило снарядовъ, да не испортились пушки и машины. «Прекратить огонь, изъ кормового аппарата выпустить мину» — приказываетъ командиръ, и черезъ минуту всѣ съ любопытствомъ слѣдятъ за бѣлымъ

слѣдомъ выпущенной мины, идущей прямо въ среднюю часть парохода; на половинѣ пути, ударившись, вѣроятно, о чье-нибудь тонущее тѣло, склоняется она влѣво и, не принеся вреда, проходитъ подъ кормой. Отъ вновь открытаго огня пароходъ скоро загорается, но вниманіе крейсеровъ уже направлено на новаго врага: на горизонтѣ появился легкій японскій крейсеръ, и онъ такъ же, какъ и коммерческіе пароходы, быстро приближается къ отряду, потомъ, увидя свою ошибку, рѣзко поворачиваетъ въ сторону Кореи, сильнѣйшій крейсеръ мчитъ за нимъ, но 23-хъ узловый противникъ, пытаясь усиленно телеграфировать, мало-по-малу исчезаетъ въ мгlistой дымкѣ горизонта; мощными разрядами, прерываетъ его телеграфированіе сильнѣйшій крейсеръ и призванный радиogramмой съ флагманскаго корабля возвращается на прежнее мѣсто. Переменные курсы сбили нѣсколько прокладку: съ томительнымъ ожиданіемъ смотрятъ впередъ, рассчитывая увидѣть своихъ, но горизонтъ все туманенъ и не показываются высокіе корпуса боевыхъ товарищей.

— Ваше Высокоблагородіе, большой дымъ слѣва, — докладываетъ сигнальщикъ.

— Дымъ справа, — докладываетъ другой.

— Неужели это не свои, — мелькаетъ мысль, — но оказывается, что крейсеръ вернулся на прежнее мѣсто: пароходъ уже представляетъ собой костеръ, громадныя языки пламени вырываются изъ кормового трюма, кучки людей, съ слабой надеждой спастись, толпятся на носу и кормѣ, но они осуждены на смерть. По приказанію флагмана, подошедшаго справа, вновь открытъ огонь, и черезъ нѣсколько минутъ горящій транспортъ медленно погружается кормой и тонетъ. Очутившемуся нечаянно у борта плавающему японцу бросаютъ буюкъ на шкертѣ, рассчитывая спасти его и получить свѣдѣнія о томъ, какія части войскъ были на транспортахъ; буюкъ брошенъ съ носа и находится подъ самыми руками солдата, однако, послѣдній, видя его привязаннымъ на шкертѣ, отталкиваетъ отъ себя и усиленно плыветъ отъ борта; еще двѣ-три секунды, и мощнымъ водоворотомъ, образующимся отъ работы винтовъ, втянутъ онъ въ глубину воды и появленія его оттуда такъ и не дождалась слѣдившіе за нимъ матросы.

— «Вступить въ строй кильватера», развѣвается сигналъ адмирала,

и вновь три крейсера слѣдуютъ въ стройной колоннѣ — и не видно по наружному виду ихъ, что они использовали громадную ошибку неприятеля, а именно ту, что японцы, не владея моремъ, т.е. не обезпечивъ его отъ появленія значительныхъ силъ неприятеля, производили перевозку войскъ безъ конвоя.

Потопленіе парохода съ войсками происходило въ 19 миляхъ отъ Сасебо, главнаго порта японскаго флота и сильнѣйшей крѣпости, и оставаться долѣе въ сосѣднемъ къ порту районѣ моря представлялось опаснымъ рискомъ, и адмиралъ, дабы обмануть неприятеля, рѣшилъ идти сначала въ виду береговъ Японіи, какъ бы направляясь къ Сангар-

въ то время, когда это помѣщеніе занимала судовая военная команда.

Изъ группы плѣнныхъ нѣсколько приподнялась одна голова съ горящими злобой глазами и слѣдила упорнымъ взглядомъ за заснувшимъ часовымъ, затѣмъ обладатель ея разбудилъ сосѣда, тотъ другого, и тихая, едва слышная бесѣда завязалась между японскими матросами; нѣкоторые изъ нихъ осторожно поглядывали въ сторону двухъ часовыхъ, а потомъ стали постепенно, чуть замѣтно перемѣщаться по направленію къ ихъ постамъ. Повидимому, они рѣшились на какой-то планъ, можетъ быть безумный по своей смѣлости, но все же, если бы имъ удалось умертвить тронхъ ча-

Селеніе въ Тоголандѣ (бывшей германской колоніи въ Африкѣ).

скому проливу. На пути былъ захваченъ большой англійскій пароходъ съ углемъ и съ призовой партией флагманскаго крейсера отправленъ во Владивостокъ; не ожидая лихой его командиръ, что 8 узловому угольщику удастся проскочить безпрепятственно во Владивостокъ, и принявъ всѣ мѣры, дабы не отдаться въ руки неприятеля, но, какъ выяснилось впоследствии, судьба ему благоприятствовала. Отрядъ крейсеровъ поднялся нѣсколько на сѣверъ Японіи и ночью легъ на Владивостокъ.

Въ носовомъ кубрикѣ, какъ говорится, было не продохнуть: сто пятьдесятъ плѣнныхъ японцевъ лежало въ повалку, безъ всякаго порядка, и эта картина представляла яркій контрастъ съ обыкновеннымъ аккуратнымъ расположеніемъ коекъ

совыхъ, задрать двери въ жилую палубу и снять трапъ въ носовую батарею, они оказались бы въ изолированномъ помѣщеніи и добратся до нихъ было бы трудно, а между тѣмъ они могли бы устроить пожаръ и вывести изъ строя сильнѣйшій крейсеръ. Умертвивъ часовыхъ, могли также они безпрепятственно проникнуть въ жилища помѣщенія, гдѣ спокойно отдыхала въ полумракѣ половина команды, и сколько могло быть жертвъ отъ преступленія одного часового! Вдругъ все движеніе и шепотъ пріостановились: по новому трапу спускалась высокая фигура. Офицеръ, завѣдывавшій плѣнными, точно чувствуя возможную опасность, совершалъ свой очередной обходъ; тихо ступая по линолеуму, онъ подошелъ къ часовому и къ своему ужасу въ полумракѣ

увидѣлъ, что тотъ недвижимъ, глаза его закрыты и на лбу зияетъ шрамъ. Но скоро убѣдился онъ, что часовой не мертвъ, а просто спитъ; тихонько офицеръ сталъ высвобождать ружье

изъ рукъ часового; но одного прикосновенія этого было достаточно, чтобы руки часового инстинктивно сжали дуло и глаза открылись.... Планъ не удался...

Смотръ «русскихъ шпионовъ».

(Статья В. Трофимова).

Любопытный эпизодъ изъ лагерной жизни военнопленныхъ въ Бранденбургской провинціи, въ Германіи, рассказываетъ наша соотечественница, только что освобожденная изъ плѣна и пріѣхавшая въ Петроградъ.

— Какъ-то подъ вечеръ къ намъ съ баракъ вѣбаетъ фельдфебель и командуетъ выйти всѣмъ во дворъ и построиться въ двѣ шеренги. Построились. Является оберъ-лейтенантъ, высокій худощавый офицеръ; на бельгійскомъ фронтѣ онъ потерялъ правый глазъ, и съ тѣхъ поръ закрываетъ его моноклемъ темнаго стекла.

Рѣчь оберъ-лейтенанта передается намъ переводчикомъ на польскомъ языкѣ.

— Объявляю вамъ, что завтра насъ осчастливитъ своимъ посѣщеніемъ одно высокое лицо. Оно будетъ осматривать лагерь и спрашивать васъ, довольны ли вы своимъ помѣщеніемъ. Приказываю вамъ навести чистоту въ баракѣ и на дворѣ! Чтобъ пылинки не было! Платье для васъ будетъ прислано казенное, парадное! Если кто заявитъ о своемъ недовольствѣ, помните: вѣло привязать къ столбу и собственноручно всыплю сто ударовъ плетью! Поняли? А все сойдетъ хорошо, я вѣло подать вамъ праздничное блюдо!

Праздничное блюдо, это — селедка и семь картофелинъ каждому.

Мы знали, что оберъ-лейтенантъ шутить не любитъ и, несомнѣнно, сдержитъ свое обѣщаніе.

Съ первымъ проблескомъ разсвѣта въ нашемъ баракѣ появился унтеръ-офицеръ и громкимъ крикомъ разбудилъ насъ:

— Вставать! Наводить чистоту!

Наблюдать за нашей работой была прислана почти вся конвойная команда. Насъ заставили мыть стекла и полъ барака, выметать дворъ, начистить провололочную рѣшетку нашей ограды.

Явились садовники; отъ входа въ нашу «клетку» и до дверей барака усадили двѣ ленты «анютиныхъ глазокъ», — какъ оказалось, «анютины глазки» — любимый цвѣтокъ пріѣзжающаго начальства.

Когда фельдфебель нашелъ чисто-

ту образцовой, намъ принесли бѣлыя платья съ желтыми вставками, — отличный нарядъ подозрѣваемыхъ въ шпионствѣ. Такъ какъ платевъ не хватало, то интеллигентнымъ лицамъ изъ плѣнницъ разрѣшено было остаться въ своемъ, лишь на руку надѣть желтую повязку.

Пришлось повиноваться. Около полудня явился въ парадной формѣ оберъ-лейтенантъ и произвелъ намъ смотръ; видимо, онъ остался доволенъ, такъ какъ въ голосѣ звучала непривычная для нашего уха мягкость.

— Это хорошо! Помните! Ни одной жалобы!

А на уходъ не выдержалъ и крикнулъ:

— Запорю!

Около двухъ часовъ дня до насъ донеслись отдаленные крики. Къ намъ приближалъ унтеръ-офицеръ:

— Пріѣхали! Постройся!

Насъ выстроили у барака; ожидали не меньше часа.

У входа появилась блестящая группа — генералъ, нашъ оберъ-лейтенантъ и пышная свита. Подошли къ намъ.

— Вижу, порядокъ... цвѣточки... Это сценъ мило... А это русскія шпионки?

Оберъ-лейтенантъ, помѣстившись сзади генерала, дѣлалъ намъ угрожающіе знаки рукой.

— Шпионки? Это любопытно!

Генералъ, маленький, сѣденькій старичекъ, прошелся мимо насъ. Остановившись около одной, онъ спросилъ:

— Ну, что, довольны ли вы вашей жизнью? Не пожалуетесь ли на худое обращеніе?

Я отъ души смѣялась надъ оберъ-лейтенантомъ: онъ прыгалъ за спиной генерала, теребилъ усы, грозилъ кулакомъ.

Не получивъ отвѣта, генералъ прошелъ дальше, и спросилъ одну польку, какъ будто нарочно самую безпокойную изъ насъ:

— Не хотите ли вы чего-нибудь?

И вдругъ громкій отвѣтъ:

— Хочу!

Мы насторожились; оберъ-лейтенантъ позеленѣлъ.

— Чего же вы хотите?

— Свободы!

— Гм... Свободы? Оберъ-лейтенантъ, она хочетъ свободы, такъ дайте ей... второе одѣяло!

Генералъ разсмѣялся своей остротой; смѣхъ подхватила свита; только нашъ начальникъ стоялъ мрачнѣе тучи, мы знали, что быть бѣдѣ.

Лишь только уѣхалъ генералъ, какъ къ намъ приближалъ оберъ-лейтенантъ; въ рукѣ у него была хлысть.

— Ага! свободы хотите! — кричалъ онъ на насъ. — Ослушались моего приказа! Въместо обѣщаннаго блюда — всѣхъ на недѣлю безъ обѣда! А эту взять!

Конвойные грубо схватили польку. Она стала кричать и упираться. Призошла дикая сцена.

Несчастную дѣвушку солдаты силой уволокли изъ нашей «клетки»...

Больше она къ намъ не возвращалась.

Въ баракѣ прошелъ слухъ, что, избивъ дѣвушку до полусмерти, звѣрь-лейтенантъ отдалъ ее солдатамъ, сказавъ только одно слово:

— Убратъ!

(«Б. В.»).

ЗАЖИВО СОЖЖЕННЫЙ.

(Рассказъ очевидца).

По предписанію чрезвычайной слѣдственной комиссіи, судебный слѣдователь калужскаго окружнаго суда допросилъ раненаго австрійской разрывной пулей рядового Александра Меньшова, который показалъ слѣдующее:

— Въ юльѣ 1915 года, во время операций подъ Сокалемъ, я съ нѣсколькими товарищами былъ отправленъ командиромъ полка на развѣдку. Неожиданно мы попали подъ огонь скрывающагося въ засадѣ крупнаго отряда австрійцевъ. Мы принуждены были отойти, при чемъ отъ насъ отсталъ бывший съ нами унтеръ-офицеръ.

Когда мы вернулись къ своей части, по приказу своего батальоннаго командира, собиравшись отправиться на розыски пропавшаго унтеръ-офицера, къ намъ вернулись другіе развѣдчики, привѣдшіе съ собою австрійскаго солдата, захваченнаго при слѣдующихъ обстоятельствахъ. Въ лѣсу развѣдчики увидѣли огонь; вокругъ костра сидѣли трое челоуѣкъ. Когда наши подошли ближе, они узнали въ нихъ австрійцевъ. Двоимъ изъ нихъ удалось убѣжать. Третій былъ захваченъ. На кострѣ лежалъ трупъ пропавшаго русскаго унтеръ-офицера.

1916 г.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1916 ГОДЪ
на сенсационный, литературно-художественный, РОСКОШНО-
ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ЖУРНАЛЪ

6-й годъ
изданія.

„20-й ВЪКЪ“

ВЪ КРАСКАХЪ, ПО ТИПУ ЛУЧШИХЪ ЗАГРАНИЧНЫХЪ ИЗДАНИЙ.

Каждый номеръ содержитъ въ себѣ захватывающе-интересные рассказы русскихъ и иностранныхъ писателей. — Рассказы-корреспонденціи съ театра войны. — Современная жизнь всего міра въ рисункахъ и фотографіяхъ съ натуры. — Военный сенсационный романъ. — Въ каждомъ номерѣ не мене пяти рассказовъ и 50 рисунковъ. — Многокрасочная художественная обложка.

ВСѢ ПОДПИСЧИКИ ВЪ ТЕЧЕНІЕ 1916 ГОДА ПОЛУЧАТЪ:

52 №№ журнала „20-й Вѣкъ“ и слѣдующія
БЕЗПЛАТНЫЯ ПРИЛОЖЕНІЯ:

24 ВЫПУСКА ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННОГО ДВУХ-
НЕДЕЛЬНАГО АЛЬМАНАХА

„СЪВЕРНОЕ СІЯНІЕ“.

Рассказы и стихи лучшихъ современныхъ русскихъ беллетристовъ и поэтовъ. — Каждый выпускъ въ 16 страницъ большого журнальнаго формата. Всего 24 печатныхъ листа или три большихъ тома.

24 КАРТИНЫ, РОСКОШНО ОТПЕЧАТАННЫЯ ВЪ НѢСКОЛЬКО
КРАСОКЪ И СОСТАВЛЯЮЩІЯ

ПАНОРАМУ ВЕЛИКОЙ ВОЙНЫ 1914 1916 г.

24 ВЫПУСКА МУЗЫКАЛЬНОЙ БИБЛИОТЕКИ
ДЛЯ РОЯЛИ И ПѢНІЯ

„НОТЫ ДЛЯ ВСѢХЪ“

Новинки русскихъ и иностранныхъ композиторовъ.

ТРИ ИГРЫ, ИНТЕРЕСНЫЯ ДЛЯ КАЖДОЙ СЕМЬИ:

ШАШКИ, ШАХМАТЫ и ДОМИНО.

(Цѣна 3-хъ этихъ игръ въ отдѣльной продажѣ минимумъ 3 руб.).

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:
съ пересылкой по всей Россіи
на 1 годъ 6 руб., на 1/2 года
3 р. 50 к.

ГЛАВНАЯ КОНТОРА
журнала „20-й Вѣкъ“
ПЕТРОГРАДЪ,
7-я Рождественская. 30.

ДОПУСКАЕТСЯ РАЗСРОЧКА:
при подпискѣ 3 руб., къ 1-му
Марта 2 руб. и къ 1-му Мая
1 руб.

ОТДѢЛЕНІЯ ДЛЯ ПРИЕМА ПОДПИСКИ: Петроградъ, Невскій, 82 (во дворѣ на право).
Москва, Долгоруковская улица, д. № 17, кв. 5.

«РУССКІЙ» БАНКИРЪ ИЗЪ НѢМЦЕВЪ. И подумайтъ только, фъ какой фрэмя я жифь!!...

	„НИКОЛАЙ ЛИНДЕНЪ“		
Невскій, 83. Петроградъ.	По крайне удешевленнымъ цѣнамъ.		